

В. И. Габдуллина

ДОСТОЕВСКИЙ. ПОСЛАНИЯ ИЗ ССЫЛКИ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Система мотивов и кодов

Три произведения Достоевского, написанные им в ссылке, — стихотворения «На европейские события в 1854 году», «На первое июля 1855 года» и «На коронацию и заключение мира» — стоят особняком, как бы на периферии не только магистральной линии развития русской литературы, но и творчества их автора. Жанр этих произведений принято определять как патриотические оды — сам Достоевский называл их просто стихами. Вступив в диалог с царем, Достоевский, подобно Пушкину, пишет из своей ссылки стихотворные послания, что вообще-то было не свойственно его таланту. «Стихи не твоя специальность», — замечает М. М. Достоевский в письме к брату после прочтения его од.¹

Большинством исследователей патриотические оды Достоевского рассматриваются только как факт биографии писателя. Эти стихотворения неизменно оцениваются как «верноподданнические», так как, по общему мнению, создавая их, автор «преследовал прежде всего цель убедить правительственные сферы в своей „благонадежности“, чтобы вновь открыть себе дорогу в жизнь и в литературу...» (2; 521). Подобным образом отзывается о причинах, побудивших Достоевского обратиться к жанру оды, и К. В. Мочульский: «Чтобы доказать свою благонамеренность, он насилует свой талант и сочиняет три патриотические оды»². Хотя чуть ниже исследователь замечает: «Можно было бы пройти мимо этих вымученных виршей и верноподданнических чувств, рассчитанных на немедленную „монаршую милость“, если бы ... они не были искренни»³.

Безусловно, было бы неверным абсолютно исключать мотив определенного расчета со стороны Достоевского, когда он посылал эти стихи монаршим особам, но, как пишет Достоевский своему другу барону А. Е. Врангелю (по другому поводу), «**всякий поступает по совести, а порядочный человек по совести и рассчитывает**» (28₁; 228). Очевидно, есть смысл, не вдаваясь в споры о художественных достоинствах этих «одиозных» (не в смысле жанра) произведений, обратиться к рассмотрению отражения в них процесса духовных исканий ссыльного писателя.

¹ Цит. по: *Достоевский Ф. М. Письма*: В 4 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 529.

² *Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество* // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 298.

³ Там же. С. 299.

В письме к А. Н. Майкову в январе 1856 г. по поводу своих стихотворных посланий Достоевский отвергает обвинения в неискренности: «Зная меня очень хорошо, отдадите мне справедливость, что я всегда следовал тому, что мне казалось лучше и прямее, и не кривил сердцем, и то, чему я предавался, предавался горячо. Не думайте, что я этими словами делаю какие-нибудь намеки, на то, за что я попал сюда. Я говорю теперь о последовавшем за тем...» (28₁, 208).

Из содержания письма можно заключить, что в приведенном отрывке речь идет о тех настроениях, которые отразились в его стихотворных посланиях и, в частности, в оде «На европейские события в 1854 году». В этом же письме Достоевский высказывает свое мнение о стихотворении Майкова «Клермонтский собор», которое также явилось откликом поэта на события 1854 года: «Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с Вами патриотическое чувство *нравственного* освобождения славян» (Там же).

Чувство патриотического подъема, пережитое Достоевским в период Крымской войны, стало толчком к формированию в его сознании идеи избранности России, ее православной миссии в Европе, которая окончательно оформится в его публицистике. Стихотворные обращения Достоевского к монаршим особам необходимо рассматривать в контексте его духовной биографии, с учетом тех переживаний, которые сопровождали его «духовный переворот». В связи с тем, что записные тетради ссыльного писателя не сохранились, письма Достоевского представляют собой единственное дошедшее до нас свидетельство его творческой рефлексии. В эпистолярном дискурсе нашел отражение сложный процесс духовного перерождения писателя.

Особое значение в письмах ссыльного Достоевского приобретает евангельская символика и образность, которые органично входят в исповедальную струю эпистолярия, организуя его текст и подтекст. Свою жаждущую веры душу Достоевский сравнивает в известном письме к Н. Д. Фонвизинной с «**травой иссохшей**» — образом, заимствованным из Священного Писания (4 Цар. 19: 26): «... в такие минуты жаждешь, как „трава иссохшая“, веры, и находишь ее собственно потому, что в несчастье яснее истина» (28₁; 176). Прошедший через страшные духовные и физические испытания ссыльный писатель ассоциирует свою судьбу с крестным путем Иисуса Христа и историей блудного сына, контаминируя два этих евангельских сюжета в интерпретации собственной биографии. Каторгу и «солдатчину» Достоевский принимает как свой крест: «Это мой крест, и я его заслужил» (28₁; 180). Называя себя в письме к брату «камнем брошенным» (28₁; 193), Достоевский вводит в контекст своей биографии притчу о «камне, который отвергли строители» (Мф. 21: 42), содержащую метафорический образ Христа — «камня живого», «человеками отверженного, но Богом избранного и драгоценного» (1 Пет. 2: 4).

Идея христианского покаяния, получившая метафорическое воплощение в финале притчи о блудном сыне, проявилась в осмыслении Досто-

евским собственной биографии в парадигме, заданной Евангелием. В ряде писем указанного периода прочитывается коллизия притчи о блудном сыне, где в роли блудного сына выступает сам автор — Достоевский («ломоть отрезанный», «несчастный», «больной»), а в роли Отца — император Александр II («милосердный», «благородный», «милостивый», «наш добрый царь, золотое русское сердце»). Мотив милости и прощения, которых он ждет от нового монарха, настойчиво повторяется в письмах Достоевского к разным адресатам из Семипалатинска, а затем из Твери: «Монарх добр и милосерд» (28₁; 225); «Надеюсь на высочайшую милость превосходного монарха нашего, уже даровавшего мне столько. Он презрит меня, несчастного, больного, и, может быть, позволит возвратиться в Москву» (28₁; 289).

Москва, Петербург, Россия ассоциируются у запертого в сибирском плену Достоевского с Домом: «Да и дай Бог поскорее побывать в России. Там, в России, чувствуешь себя как бы дома» (28₁; 265).

Один из веских доводов, которые приводит ссыльный писатель в своих просьбах о возвращении, — необходимость соединения со своею семьей, с братьями. В то же время Достоевскому временами кажется, что старший брат Михаил ведет себя по отношению к нему (блудному) подобно старшему брату из притчи: «Не охладел ли он ко мне! Не изменил ли характера! Как грустно было бы мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл всё старое?» (28₁; 216). Обращаясь к старшему брату с очередной просьбой о помощи, Достоевский увещевает его, подобно отцу из притчи: «Ради бога, покажи себя братом, добрым, какой ты и был и есть в самом деле» (28₁; 320).

Таким образом, в письмах реконструируется притчевая парадигма: *блудный сын – Отец – Дом – старший брат*.

Мотив «воскресения из мертвых», неоднократно упоминаемый в переписке: «Выход из каторги представлялся мне прежде, как светлое пробуждение и воскресение в новую жизнь» (28₁; 181), — восходит к эпизодам Евангелия: воскрешение Лазаря Христом и воскресение Христа, — а также к финальной сентенции притчи о блудном сыне: «А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15: 32). Притчевый контекст прочитывается в оценке Достоевским своей судьбы как судьбы блудного сына: «Кончатся ли когда-нибудь мои бедствия и даст ли мне Бог наконец возможность обнять вас всех и обновиться в новой и лучшей жизни» (28₁; 342).

Идея воскресения души через покаяние и прощение, нашедшая воплощение в финале притчи о блудном сыне, питает надежды возрождающегося к новой жизни и деятельности писателя. Обращаясь к императору Александру II в октябре 1859 г., опальный Достоевский пишет: «Знаю, что я недостоин благодеяний Вашего императорского величества и последний из тех, которые могут надеяться заслужить Вашу монаршую милость. <...> Воскресите меня и даруйте мне возможность с поправлением здоровья быть полезным моему семейству и, может быть, хоть чем-нибудь моему Отечеству!» (28₁; 386) (ср. с евангельским текстом: «...отче! я согрешил

против неба и перед тобою. И уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» — Лк. 15: 19).

Желание быть полезным Отечеству в условиях общественного подъема конца 1850-х гг. реализуется посредством еще одного мотива, восходящего к евангельской притче о *двух лептах* бедной вдовы, в рассуждениях ссылочного писателя о праве «*принести свою лепту*» на общую пользу: «Каково же кому-нибудь оставаться назади? Не примкнуть к движению, не принести свою лепту?» (28₁; 232); «...и теперь, когда каждый несет лепту свою на общую пользу, — не откажут и мне быть полезным» (28₁; 257).

Вся система евангельской образности писем Достоевского семантически связана с идеей притчи о блудном сыне как духовным ориентиром писателя. Прочтение писем из ссылки при помощи *евангельского кода* позволяет обнаружить в них духовный подтекст, связанный с осмыслением Достоевским собственной биографии и «биографии» своего поколения в системе нравственных ценностей Священного Писания: «...я — дитя века, дитя неверия и сомнения...» (28₁; 176).

Зачастую, письма писателя становятся местом первичного осмысления религиозной идеи, ее индивидуально-авторской адаптации. Евангельский код писем Достоевского из Сибири свидетельствует об определенном духовном настрое, в атмосфере которого создавались его стихотворные оды-послания. К эпистолярному материалу непосредственно примыкают стихотворные послания из ссылки, адресованные царским особам, лирическое содержание которых было явно недооценено в литературе о Достоевском.

Искренне увлекшись идеей начала новой жизни, «*воскресения из мертвых*», Достоевский творит жизнь, стирая грани между жизнью и творчеством. Известно особое свойство творческого сознания Достоевского, который в процессе вынашивания художественной идеи максимально вживался в нее, вплоть до полного перевоплощения. Роль блудного сына, очевидно, была для Достоевского одновременно и жизненным амплуа, и художественной идеей. «Позу» блудного сына, обращающегося с мольбой о прощении к Отцу-монарху, можно расценивать как одну из «ролей» плюралистического авторского сознания⁴, не ставя под сомнение ее искренность.

В патриотических одах Достоевского наряду с *биографическим кодом* явственно прочитывается *пушкинский код*, который проявляется не только в том, что ода «На европейские события в 1854 году», по наблюдению К. В. Мочульского, «вдохновлена инвективой Пушкина „Клеветникам России“»⁵. В данном случае важны не столько поэтические переключки в текстах, сколько сам факт осмысления Достоевским своей биографии в контексте пушкинской. Положение ссылочного писателя после пронесшейся над ним и его сотоварищами «грозы» 1849 года не могло не вызвать у Достоевского ассоциаций с историей опального поэта, пережившего 1825 год и вступившего в диалог с царем. Параллель между судьбами петрашевцев

⁴ Родина Т. М. Достоевский: Повествование и драма. М., 1984. С. 111.

⁵ Мочульский К. В. Достоевский: Жизнь и творчество. С. 298.

и декабристов, безусловно, возникала в сознании современников. Об этом Достоевский писал позднее в 1877 г. в «Дневнике писателя» в статье «Старина о петрашевцах».

При сравнении некоторых фактов биографии Пушкина периода его Михайловской ссылки и «Семипалатинского эпизода» в жизни Достоевского возникают любопытные биографические параллели, которые, представляются неслучайными. Примечательно, что одной из первых книг, присланных Достоевскому в Семипалатинск по его просьбе сыном декабриста Е. И. Якушкиным, был первый том «Сочинений» Пушкина в издании П. В. Анненкова, вышедший в свет в 1855 г. «Пушкина я получил. Очень благодарю вас за него», — извещает Достоевский своего адресата о получении книги (28; 184). В этом томе были опубликованы «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», очевидно, сыгравшие роль претекста, ориентируясь на который Достоевский строит свои взаимоотношения с царем.

П. В. Анненков в своих «Материалах...» по цензурным соображениям обходит молчанием события 1825 г. и обстоятельства ссылки Пушкина. О духовном состоянии поэта, переживаемом в Михайловской ссылке, П. В. Анненков пишет: «Пушкин приехал в Михайловское в *тревожном состоянии духа*. Легко угадать причину нравственного беспокойства его, если вспомнить, что четверть жизни прошла для Пушкина и должна была переставить точку зрения на людей и разъяснить взгляд на самого себя. Нравственный переворот, неизбежный в таких случаях, оставляет по себе грусть, чувство раскаяния и тоски; но в сильных и благородных натурах, какова была натура Пушкина, это есть только новое побуждение к деятельности и преобразованию себя»⁶. При чтении этих строк возникает ощущение, что они написаны о Достоевском эпохи его политической ссылки.

Ссылный Пушкин использует все средства, чтобы вернуться в столицу, где в это время решалась судьба его товарищей. Он обращается за помощью к В. А. Жуковскому в надежде, что тот повлияет на решение царя прекратить его ссылку. «Отче, в руке твои предаю дух мой»⁷, — шуточно начинает Пушкин свое письмо-просьбу к Жуковскому. Обращается Пушкин и к Николаю I, мотивируя свою просьбу о разрешении вернуться в столицу состоянием своего здоровья: «Государь, меня обвиняли в том, что я рассчитываю на великодушие вашего характера... Ныне я прибегаю к этому великодушию. Здоровье мое было сильно подорвано в молодые годы <...>. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц...» (IX; 349).

Так же, как Пушкин, Достоевский, обращается к царю в надежде освободиться из ссылки, чтобы поправить свое здоровье: «В вашей воле вся

---

⁶ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М. 1984. С. 169 (Библиотека «Любителям российской словесности Из литературного наследия».

⁷ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. IX. С. 204. Далее при ссылках на это издание в скобках указывается римской цифрой том, арабской — страница.

судьба моя, здоровье, жизнь! Благоволите позволить мне переехать в С.-Петербург для пользования советами столичных врачей» (28₁, 386). Приведенная фраза из письма Достоевского к Александру II почти дословно совпадает с цитатой из биографии Пушкина в изложении П. В. Анненкова: «3 сентября получено было во Пскове всемилостивейшее разрешение на просьбу Пушкина о дозволении ему пользоваться советами столичных докторов»⁸.

В 1826 г. Пушкин возлагает надежду на коронацию нового царя⁹, могущего, по его мнению, облегчить участь сосланных на каторгу декабристов: «Еще таки я все надеюсь на коронацию; повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (IX; 234). В ожидании коронации поэт пишет Жуковскому: «Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться» (IX; 224).

Обращаясь в своей первой оде «На европейские события в 1854 году» к царю, Достоевский следует примеру Пушкина, писавшему стихотворные послания императору из своей Михайловской ссылки. Причем адресат у них один и тот же — Николай I, жестоко расправившийся с декабристами и спустя без малого двадцать пять лет подписавший приговор петрашевцам.

В стихотворении «На европейские события в 1854 году», адресованном Николаю I, нет ни слова об испрашивании себе прощения; речь идет о спасении России. Но за собирательным *мы* (то есть русские) скрывается лирический субъект, переживания которого носят сугубо личный характер, связанный с осмыслением собственной судьбы. Подобным образом могут быть прочитаны, например, строки:

Спасемся мы в годину наваждений,
Спасет нас крест, святыня, вера, трон! (2; 403).

Образ «наваждения» можно отнести и к состоянию, пережитому самим автором, попавшим под обаяние социалистических идей. Бывший обитатель Мертвого дома на себе испытал спасительную силу «креста, святыни, веры», избавивших его от «наваждения». В многократно цитируемом письме к Н. Д. Фонвизиной, одном из первых писем после выхода из острога, Достоевский делится со своим адресатом опытом обретения веры: «...в такие минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа...» (28₁; 176; 30₂; 423). Далее в стихотворении Достоевский продолжает:

Мы верю из мертвых воскресали...

---

⁸ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 169.

⁹ Пушкину из семейных преданий хорошо была известна традиция обращения к милости монарха во время его коронации из семейных преданий. В своих «Воспоминаниях» поэт передает историю об освобождении от опалы своего предка Ганнибала, впавшего в немилость после смерти Петра I и обратившегося к новой монархини: «Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал [так] написал ей евангельские слова: „Помяни мя, егда приидеши во царствие свое“. Елисавета тотчас призвала его ко двору...» (IX; 60).

За этой формулой встает эпизод из недавнего каторжного прошлого Достоевского.

После смерти Николая I Достоевский пишет стихотворное послание вдове императора «На первое июля 1855 года» с явной надеждой «вымолить прощенье». Это стихотворение носит более проникновенный характер, хотя и не лишено одических штампов, особенно когда речь заходит о покойном императоре.

Описание состояния вдовы, понесшей утрату близкого человека, смыкается в этом стихотворении с авторским лирическим переживанием, в котором явно прочитывается биографический код. В последнем своем письме из Петропавловской крепости к брату Михаилу Достоевский пишет о переживаемых им чувствах, используя те же выражения, которые войдут, почти дословно, пятью годами позже в его стихотворное послание:

«Теперь отрываюсь от всего, что было мило; больно покидать его! Больно переломить себя надвое, перервать сердце пополам» (28₁; 164).

В оде читаем:

О! Тяжело терять, чем жил, что было мило,
На прошлое смотреть как будто на могилу,
От сердца сердце с кровью отрывать... (2; 407).

Следующие строчки оды:

Безвыходной мечтой тоску свою питать,
И дни свои считать бесчувственно и хило,
Как узник бой часов, протяжный и унылый (Там же), —

которые при других условиях могли быть восприняты как поэтический штамп, также окрашены переживаниями бывшего узника каторжного острога, считавшего дни, проведенные в неволе, делавшего зарубки на острожных палях.

В связи с образом императрицы в оде появляются *богородичные* мотивы, отсылающие к иконописи:

Твой кроткий, грустный лик в моем воображеньи
Предстал моим очам, как скорбное виденье,
Как образ кротости, покорности святой... (Там же).

В финале стихотворения образ матери-императрицы ассоциируется с Богородицей, традиционно почитаемой покровительницей России:

Храни того, кто нам ниспослан на спасенье!
Для счастья его и нашего живи
И землю Русскую, как мать, благослови (2; 408).

Последнее стихотворение <На коронацию и заключение мира> явно вдохновлено примером Пушкина, писавшего в стихотворении «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю (II; 118).

В ряде писем из Семипалатинска накануне и после коронации Достоевский высказывает восхищение молодым царем, связывая с ним надежды на будущее России и разрешение своей собственной судьбы. В оде на коронацию Александра II отчетливо обнаруживаются параллели с пушкинскими «Стансами» в строках:

Идет наш царь на подвиг трудный
Стезей тернистой и крутой;
На труд упорный, отдых скудный,
На подвиг доблести святой,
Как тот гигант самодержавный,
Что жил в работе и трудах,
И сын царей, великий, славный,
Носил мозоли на руках (2; 409).

Этот отрывок перекликается (и по содержанию, и ритмически) с известными строчками из «Стансов»:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник (II; 88).

Вслед за Пушкиным, наставлявшим перед коронацией Николая I, Достоевский указывает молодому царю — Александру II — образец милосердия. Но если в стихотворении Пушкина это Петр I («Во всем будь пращуру подобен: / Как он, неутомим и тверд, / И памятью, как он, незлобен»), то Достоевский, призывая «милость к падшим», как на «источник всепрощенья, / Источник кротости святой» указывает на Христа. В обращении к Христу:

К Тебе, любивший без ответа
Самих мучителей своих,
Кто обливал лучами Света
Богохулителей слепых,
К Тебе, наш Царь в венце терновом,
Кто за убийц Своих молил
И на Кресте, последним словом,
Благословил, любил, простил! (2; 410), —

имплицитно скрыта авторская позиция по отношению к своим «мучителям», которых Достоевский, подобно Христу, «благословил, любил, простил».

Образ Александра II — «небес избранника» — в оде Достоевского обрисован в духе характерной для народного сознания сакрализации царя. Традиция обращаться с просьбами о помиловании к будущему монарху накануне его коронации связана с отношением к царю как земному богу. Б.А. Успенский пишет по этому поводу, что престолонаследование «приравнивается к ситуации пришествия Христа в Царство Небесное, и к тому, кого ожидают видеть на престоле, обращаются с прошением: „Помяни мя, Господи, егда придеши во царствие си“, с которым Благородный разбойник

обращался к распятому Христу»¹⁰. Политический ссыльный Достоевский, обращаясь к вступившему на престол монарху, следует примеру Пушкина и в то же время уподобляется евангельскому разбойнику, просящему Христа о заступничестве перед Богом. В письмах ссыльного Достоевского упоминается и о фактах помилования осужденных преступников в связи с празднованием совершеннолетия наследника престола, также связанных с традицией сакрализации царя, распространяющейся и на будущего наследника престола: «Еще надежда: 8 сентября будет совершеннолетие государя наследника. При совершеннолетию ныне царствующего императора оказаны были огромные милости политическим преступникам. Я уверен, что государь, и при нынешнем празднестве, вспомнит о нас несчастных и простит все остальное» (28₁, 323).

Мотив милосердия, восходящий к ряду евангельских сюжетов, в том числе к сюжету притчи о блудном сыне, пронизывает цикл стихотворных посланий, связанных посредством системы мотивов и образов (*Христа, веры, покаяния, воскресения, лепты*) с эпистолярным дискурсом.

Анализ трех патриотических од через систему кодов — *биографического, пушкинского и евангельского* — позволяет судить о них как о произведениях, отразивших один из сложнейших этапов в духовной жизни писателя, и в то же время вписать их в контекст последующего творчества Достоевского как первый опыт художественной апробации мотивов «почвеннического» комплекса.

---

¹⁰ Успенский Б. А. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 176.